

Анна Ранцане

Необычные цветы в садах Латгалии

С латышского. Перевод Ирины Цыгальской

Латгалия, восточный край Латвии, исторически выделяется пестрым национальным составом и разной религиозной принадлежностью ее жителей. Начиная с XVII века здесь находили приют подвергавшиеся преследованиям староверческие общины, а еще раньше обитали польские семейства. Латгальские и славянские корни волей-неволей переплетались тут так тесно, что, разрывая их, можно нанести вред какому-нибудь дереву или цветку. Высока и непреодолима была ограда староверческого подворья, иноверцев ждала у колодца «поганая кружка», однако поверх высоких заборов все же распространялся аромат латышского божьего дерева, в ярких вышивках полотенец тут и там мелькала денница или знак Лаймы¹, а в памяти поколений как братская дань бережется вклад польско-литовских иезуитов в историю Латгалии. Они не только учились местному языку, чтобы нести Божье слово латгальским детям, но и создавали первые памятники латгальской письменности. Шло время, ограда оставалась, но ветер по-прежнему приносит дыхание денницы как знак общности. Может быть, люди земли Мары легче находили этот общий язык в молитве и обрабатывая глинистую и малоплодородную здешнюю землю.

Рассказ первый. Пани София

Сестра жизнь

У меня на книжной полке уже долгое время лежит миниатюрная книжечка сувенирного издания стихотворений Бориса Пастернака, которую в 1989 году выпустило издательство «Zinātne» в Риге. В ней надпись: «Глубокоуважаемой Анне Ранцане на добрую память! София Конишевская (Карницкая), 28. XII. 2007 г.» Тогда родилась

Анна Ранцане родилась в 1959 году в поселке Миглиниекс Лудзенского района. Поэт. Училась в Литературном институте им.А.М.Горького. Работала редактором в издательстве «Лиесма», в Даугавпилсском музыкально-драматическом театре, была главным редактором газеты «Latgales Laiks» (Латгальское время), спецкором газеты «Diena» (День). С 2000 года живет в Резекне. Лауреат премии им. Аспазии. Автор книг стихов «Молитва дому», «Пятница», «Молитва», «Воскресенье» и других.

¹ Лайма – богиня судьбы в латышской и литовской мифологии. Культ латышской Лаймы под влиянием католицизма до XVI века сливался в Ливонии с культом Мары – Богородицы Марии. Лайма и Мара заботятся о женской судьбе, замужестве, удачных родах; большая роль им принадлежит и в других сферах плодородия.

статья для журнала SestDiena, где впервые опубликован трогательный рассказ о ветви этого рода, о котором София рассказывала сначала неохотно, робея, потом все с большим увлечением, будто перебирая в шкафу давно забытые одежды. Прошло уже больше десяти лет, но я и правда храню в доброй памяти эту миниатюрную, глубоко интеллигентную женщину с певучим голосом, продолжательницу древнего польского дворянского рода, которая безропотно несла свою судьбу, пуская глубокие корни в латгальской деревне, на берегу озера Разна. Пани София уже давно покоится на кладбище Луцишки. Летом 2018 года рядом с матерью обрел последний покой и ее единственный сын Владислав, но мне и по сей день хочется сказать ей: «Сестра моя — жизнь...», листая эту книжечку, которая, очевидно, была дорога госпоже Софии, поэтому она и захотела мне ее оставить — как духовное завещание.

Из истории

Так называемое польское время в Латгалии длилось более двух столетий, с 1561 года вплоть до первого раздела Польши в 1772 году. Это был как бы водораздел, надолго отделивший Латгалию, разлучивший ее с остальной Латвией. С польских времен в Латгалии, или Польской Инфлянтии¹, известны несколько семейств польского дворянства — Хильзены в Дагде, Борхи в Прейли и Вараклянах, Платери-Заберги в Бебрене, Карницкие в Лудзе, Шадурские, Соколовские, Мантейфели, Ромери... Некоторые из них, такие как, например, Борхи, Хильзены и Платери, оставили заметный след в истории культуры Латгалии, деятельность и судьба других менее значительны или слишком мало изучены. Это можно сказать о роде Карницких, которому более 350 лет принадлежали крупные владения в Латгалии, в волости Эвермуйжа (Циблас), Ландскороны (Шкяунес), с ними тесно связана также история древнейшего города Латвии Лудзы. Исследователь Валентин Эдмунд Клешник² пишет, что этот род был очень большим, возник в Польше, в Равском воеводстве, в селе Карнице. У фамилии до XIX века была еще вторая часть — Шестшанеки. Предки Карницких были знамениты и пользовались благосклонностью князей Мазовии³. Сведения о латгальской ветви Карницких фрагментарны. Есть записи, что земли в Инфлянтии от польского короля Зигмунта III получил храбрый воин Каспар за отвагу в сражениях с Московией и Швецией. Об этом говорит запись в Браславской судебной книге 1741 года, где приводится письмо Лудзенского старосты Скарбека, датированное 1570 годом, в котором свидетельствуется, что капитану Каспару Карницкому жалуется право пользоваться имениями Ластовщицкой и Брицовщицкой. В Брицовщицку входили Луцмуйжа, Розаново, Франополе и Эвермуйжа с фольварком⁴ Заболотье. В 1626 году, когда дружина местных помещиков, полк польских солдат и литовской роты захватили в плен шведский гарнизон Лудзенской крепости, представитель Карницких сделался ее комендантом. Один из внуков Каспара, Анджей Дионизи, в 1733 году построил в Лудзе первую деревянную церковь. Сын Игнация, сына Анджея, Тадеуш, будучи ротмистром в Инфлянтии, умер в загадочном ореоле святости и похоронен в родовой каплице Карницких в Лудзе. Вторым сыном Игнация, Ян, был градоначальником Лудзы (1768—1775). Луцмуйжа принадлежала Юзефу, внуку третьего сына Анджея, сыну Игнация Миколаю, который был талантливым живописцем, учился рисованию в Германии и Испании, делал портреты и копии картин, его кисти принадлежит алтарь

¹ Инфлянтское воеводство, известно также как Польская Ливония. Исторически так на польском языке называлась вся Ливония, позднее — только Видземе.

² Изд-во ЛКЦ [ЛКС] — Латгальский центр культуры, 1999 г.

³ Мазовия — Мазовецкая земля — историческая область в центральной части Польши.

⁴ Фольварк (польск. folwark от диалектизма нем. Vorwerk) — хутор, мыза, усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство.

Лудзенского костела. Карницкие принимали активное участие в обоих польских восстаниях (1830 и 1863 гг.) и за это лишились части своих владений.

Теперь от большой ветви рода Карницких на Лудзенской Церковной горе осталась только странная восьмиугольная каплица рядом со статуей Богородицы. Долгие годы никто даже не догадывался, что потомки этого рода по-прежнему живут в Латвии, в Луцишках Маконькалнской волости Резекненского уезда, в том месте, чье название по странному совпадению так похоже на название поместья. Сюда, закончив в Риге медучилище, приехала работать потомок графов Карницких, изгнанных из родового поместья, — София.

Не жалуясь и не помяная свое благородное происхождение, София всю жизнь проработала заведующей фельдшерским пунктом, лечила новые поколения староверов и латгальцев по всем окрестностям Маконькална. Ее называли Зоя Бруновна, она снискала уважение и любовь здешних людей. Вышла замуж за местного латгальца Конишевского, случайно или так совпало, — тоже Владислава, так звали и любимого брата Софии, который в войну пропал где-то в Польше. Владиславом звали и сына, правда, потом она втайне винилась перед собой: вряд ли стоило так называть сына — могла бы оберечь его от родового проклятия.

Дочь польского офицера

София тогда призналась — она не унаследовала графский титул: он передается только по мужской линии. Никогда она не звала себя графиней, но в ее изящных руках, хоть и натруженных тяжелой работой, в профиле ее лица, печальной улыбке угадывались история и воспитание старинного рода — без гордыни и спеси, с глубоким пиететом к той земле, где довелось жить ее предкам, она рассказывала:

«Бабушка, мать моей мамы, была из старинного рода польских дворян. Графский титул был у Карницких. Но я сама не графиня. Ведь графский титул передается только по мужской линии. Если бы я вышла замуж за графа, то была бы графиней. Мой брат унаследовал. Но... что это дает? В жизни мне это только вредило.

Дедушка жил в Луцмуйже. Мама, тогда еще барышня, приехала погостить на каникулы, а дед ей дает навозные вилы и говорит — поди, дочка, поворочай навоз. Вот такой граф! Трудился, знал все крестьянские работы. В жизни никто не подчеркивал, что мы были графами. Мой отец, Бруно Карницкий, семь языков знал, но и латгальским владел в совершенстве, с местными говорил только по-латгальски.

В 1939 году отца призвали в польскую армию офицером запаса. Когда Польшу разгромили, он перешел латвийскую границу и сдался тут в плен. Какое-то время находился в военном лагере в Улброке. Оттуда его, по специальному разрешению Ульманиса, отпустили домой, в Луцмуйжу. Но — пришли советские войска, уже в пять утра явился милиционер, отца арестовали и отправили назад в Улброк, потом в польский ГУЛАГ в Сибирь. Часть поляков расстреляли в лесу Катыни, а их на пароме вывезли в Черное море, и русские их начали бомбить с самолетов. Отца спасли турецкие моряки. Затем он вступил в польскую армию генерала Андерса и воевал против немцев в пустыне Сахара, в сорока километрах от Каира. Когда война кончилась, он уехал в Англию, купил дом, так там и прожил до конца жизни в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Мама, Элеонора Карницкая, умерла в шестьдесят шестом. Почти одновременно они ушли. Отец там же, под Лондоном, и похоронен. Я там никогда не бывала. Мама покоится в Риге. У нас в Лудзе более чем трехсотлетняя родовая каплица, хотелось бы перевезти сюда и прах матери, и прах отца, это моя мечта. Там покоятся многие поколения Карницких».

Здесь надо добавить, что эта мечта Софии так и не исполнилась.

Барышня София

«Я родилась в 1933 году. Помню старую деревянную церковь, которую построили мои предки, но очень смутно. Мне было пять лет, когда эта церковь сгорела во время пожара в Лудзе в 1938 году. Она два раза горела, во второй раз временное деревянное строение сожгли в 1950 году.

Еще мои предки строили церкви в Эвермуйже и Ландскороне.

Дом стоял одним боком к озеру, от него шла тропинка, а липовая аллея приводила к самому озеру. Посреди аллеи был большой камень с выемкой наверху, он и теперь там. Мама рассказывала, что мой предок, первый комендант Лудзенской крепости, там будто бы устроил подземную дорогу под озером, и у камня якобы был вход в подземелье. Мы детьми хотели туда залезть, но мама у этого камня играть не позволяла. Вокруг господского дома — сирень, яблони. Однажды я заглянула в записки отца и прочитала: «Нынешней весной цветут 240 яблонь...»

Помню красивый одноэтажный дом. Большой зал с канделябрами. Электричества не было, лампы керосиновые.

Помню, это был 1939 год, уже чувствовалось, что будет война, в Луцмуйжу приехал польский посол, собрались местные поляки. Отец и мать стоят, гостей принимают, я тоже там кручусь. Длинной косы у меня не было, была стрижка *bubi korf*¹. И тут посол спрашивает: как тебя зовут? Я делаю книксен и говорю: «Я барышня София». Отец мне замечает: «Миленькая, себя называть барышней некрасиво, так только другие могут». Ну, так я потом, если спрашивали, отвечала: «София, но уже не барышня (*смеется*) — а *juž ne rapna*...»

У меня был старший брат, Владислав. Младшего, который напоролся на мину, звали Янек.

Когда я закончила восьмой класс, на мне были кирзовые сапоги и сшитое мамой из мешковины платье. Нас записали в кулаки.

Брату шесть годочков было, когда он в 1945 году, сразу после войны, играл и напоролся на мину.

Пришлось отрезать половину ножки. Пришли милиционеры описывать имущество, а мама в это время делает перевязку братику, он лежит на простынке, весь в крови. И тут один милиционер поднимает эту простынь и говорит: «Вот еще одна простыня!» — даже эту окровавленную описали. Нас выгнали из Луцмуйжи, мы в чем были, так и остались. Приказали платить налог сто тысяч рублей, мы не могли заплатить. В сорок первом году нам оставили тридцать га от ста шестидесяти, последнюю корову отняли, но из дому еще не выгнали. Потом приходят немцы — и тоже налог требуют, с каждого гектара земли надо было платить дань молоком и мясом. Но как же уплатить, если русские уже все отняли?! Приходилось продавать скотину, покупать молоко и мясо и так справляться с налогами. Но немцы землю отдали. Тут опять пришли русские...

Я начала учиться во Франополе, позднее — в Лудзенской Первой средней школе.

Отец прислал только два письма. В одном писал, что ему предлагают в какой-то военной академии преподавать, но это, видно, был такой камуфляж. И после этого отец исчез. Я его искала через Красный Крест, писала в Москву... но не смогла найти. Только в шестидесятом году пришел милиционер и говорит: «Знаете, вас кто-то ищет за границей». Оказалось, что отец искал нас в Сибири, думал, что нас выслали. А нас из дому выставили, мы жили в крохотной комнатке в музее, я была оформлена уборщицей, чистила витрины, мыла полы; мама работала в редакции, читала вслух полосу, потом проводила экскурсии в музее.

¹ Женская стрижка под мальчика (*нем.*).

Когда началась высылка, мы всю ночь не спали, стояли между музейными витринами, солдаты с винтовками фонарями освещают дорогу, а мы стоим за занавеской, смотрим, сердце так и колотится, так и колотится... Но случилось так, что в сороковом году начальник местной милиции влюбился в нашу маму. Она красивая была. В ту ночь она была на свадьбе, а мы с бабушкой и братиком — дома. У нас еще жил русский полковник Орлов, он был контуженый, неадекватный. Бывало, ходит и стучится в двери. Сошел с ума, потому что у него на глазах всю семью расстреляли. Бабушка сжалась и приняла его.

В ту ночь дядя Саша тоже ходил и стучался в двери. Бабушка рассердилась, говорит: «Ну, не ходите вы, не стучите больше!» Через какое-то время — опять стук, но это уже пришел милиционер с запиской маме, там было написано: «Вас в списке ссыльных нет, но дома все-таки не ночуйте». И мы ушли к соседям, остались там, так нас и не выслали. Тогда ведь главное было в тот день не оказаться под рукой, потом уже больше не искали. После войны этот милиционер был начальником милиции в Лудзе. В немецкое время было то же самое — нас хотели вывезти в трудовой лагерь, потому что отец был польским офицером. В пять утра приехал полицейский и сказал: «Мадам, мы должны вас отвезти в полицию, будут высылать. Вы лучше спрячьтесь, я скажу, что вас не было дома». Бабушка была парализована, мы маленькие, ну, что было делать, мама говорит: будь что будет, едем. Одеда нас, поехали в волостное правление. Там сидит этот немец, мама стала с ним говорить по-немецки, она хорошо по-немецки говорила. Он спрашивает: «Где ваш муж?» Мама голову вскинула и отвечает: «Как настоящий польский офицер он воюет с немцами!» Тут сразу конвой! Спрашивают: «Состав вашей семьи?» Мама отвечает: «Вот эти маленькие дети и мать на смертном одре». Тогда начальник сказал: «Отдайте этой даме паспорт». И все. Так мы спаслись два раза.

Потом жили в Лудзе, то у одних знакомых, то у других. Меня на работу не брали, не было паспорта, у мамы тоже, она была польская подданная, бабушка — латвийская. Кончив школу, я подала документы в университет, на юридический, не знаю, о чем я думала, с такой-то биографией, хотя школу кончила хорошо. Там посмотрели документы и говорят: «Куда лезешь?!» А когда я вернулась домой из Риги, меня вызвали в милицию и сказали: «Вы не имеете права на выезд». Оказалось, чтобы поехать в Ригу, мне еще за два месяца надо было подать заявление в ОВИР, там, мол, решат, пускать или нет.

На работу не брали. Только врач лудзенской больницы — русская женщина из Сибири, ее муж был следователем, старым чекистом — так вот она меня взяла на работу. Всякие были коммунисты.

Отца я после тридцать девятого года только один раз видела. Он ничего не успел мне рассказать. Мама? Это было такое время, что о своем происхождении лучше было помалкивать. Ну совсем тихенько кое-что рассказала.

Старшего брата отец перед войной взял в Польшу, чтобы он учился в польской школе. Когда началась война и пришли немцы, брат пешком вернулся из Польши в Латвию. А в нашем доме расположился немецкий штаб. Немцы эти к нам неплохо относились, когда готовили еду, нас, детей, всегда кормили.

Брат этого не выносил, сказал маме: «Ты сидишь тут с немцами за одним столом, а в Польше они наших на каждом столбе вешают». Однажды украл у немецкого офицера револьвер вместе с кобурой. Офицер все понял, позвал маму и сказал: «Фрау Карницкая, я до обеда могу еще не докладывать, но если оружие не будет возвращено, то мне придется доложить своему начальству, вы же понимаете, чем это может кончиться». Мама отхлестала брата по щекам, тогда он отдал револьвер, собрал свои вещички и ушел из дому. Двоюродная сестра сказала мне, что он пришел и какое-то время жил у них, а потом ушел к польским партизанам. Поляки вообще патриоты, они сызмальства знают свою историю, мы, когда пели польский гимн, всегда и везде

вставали. К первому причастию я пошла только в двадцать три года. В детстве не успела. Да и отец был не очень верующий, говорил, что Бога надо носить не на шее, а в сердце. Такой он был — вольнодумец.

Доктор Зоя

Я с первым мужем разошлась, надо было куда-то уходить. Семь лет проработала в больнице. Думала: в мединститут меня все равно не примут, пошла в Первое рижское медучилище. Потом меня направили сюда на работу. Приехала — и так тут и проработала тридцать пять лет. Здесь была липушская амбулатория, больница. Тут по большей части живут русские, старoverы, латышей, латгальцев очень мало. Женщины носят большие черные платки с бахромой, платья тоже черные, длинные, до пола. Позднее у нас отношения наладились вполне хорошие. Здесь родился первый секретарь резекненского отделения компартии, некий Иван Богданов. Здесь жили его отец и мать. Однажды в воскресенье я работаю по дому, и тут приезжает Иван Авксентьевич, привозит свою мать, которая заболела. У нее в подоле — куриные яички, кусочек мяса, она говорит: «Дочушечка, возьми!» Я отвечаю: «Что вы, не надо». А она: «Что, ты думаешь, мой Ванька видел? Да ничего он не видел». На одной конференции главный врач меня спрашивает: «Ну, Конишевская, взятки берешь?!» Я вообще в жизни до этого ничего никогда не брала, рассердилась, говорю: «Да, беру!» — «Ты что?!» Тогда я говорю: «Вот, первый секретарь приезжал, яйца привез». Правда, один раз было: утром встаю, смотрю — петух за ногу привязан к дому.

Я могла по глазам сказать о вроде бы здоровом человеке, что он через несколько часов умрет. Этому я научилась. Однажды на практике была в отделении реанимации, одну здешнюю девушку после тяжелой аварии везли на операцию, хирург говорит: «Страшно оперировать, может умереть». Я посмотрела в ее глаза, говорю: «Выдержит она операцию». Так и было, выжила и еще четверых детей родила.

Так получилось, что у здешнего парня, за которого я вышла замуж, было такое же имя, как у моего брата, пропавшего на войне, — Владислав. И сына я так назвала. Может, хотела сохранить память о брате, но этого мне не надо было делать... сына так не надо было называть (*вздыхает*). Трудно сказать, может, и не попал бы он в аварию...»

Сын Софии Владислав в 16 лет потерял правую руку в аварии на мотоцикле. Выжил, всю жизнь водил машину, руль держал левой рукой. Начал отстраивать родовой дом, но прожил только чуть больше 50 лет, сердце остановилось. Мать уже к этому времени умерла в Малтском социальном центре, до конца тревожилась за Владислава, сердце болело за единственного сына — отчаянный был, сорвиголова, жил одиноко.

«Сорвиголова? Ну, а кто в молодости не ищет приключений? В то утро, когда это случилось, он встал такой веселый, в хорошем настроении. Наскочил на грузовик с бревнами.

Меня даже сразу не пустили в реанимацию, он только на третий день пришел в себя, потом опять потерял сознание. Восемнадцать дней так: очнется — и опять без сознания. У него от этого всего, от ран на шее, началось гнойное воспаление сердечной оболочки.

Но в сны надо верить. Перед аварией я что-то плохое видела во сне, утром сказала Владу, чтобы ехал сегодня помедленнее. А позднее пыталась вспомнить, что видела во сне, но так и не вспомнила, знала одно: что-то плохое.

Всю жизнь пришлось начинать заново. Учились сидеть, ходить».

София была уверена, что сына настигло родовое проклятие.

«Мама рассказывала, что мои предки пользовались правом первой ночи, и все мужское потомство рода проклято.

Мой муж был латгалец. В паспорте Владислава тоже записали, что латыш.

Польскому языку я его не научила, так вышло, у меня такая работа была — никаких выходных ни по субботам, ни по воскресеньям».

София ушла из жизни в Малтском социальном центре, куда попала после первого инсульта. Второго не перенесла. По рассказам сына, днем еще чувствовала себя хорошо, шутила, спустилась в библиотеку за книгами. А потом... В палате была нелюбезная соседка, сказала что-то плохое. «Мама была такая чувствительная. Я где-то задержался, приехал, смотрю — она уже где-то далеко, говорить уже не могла, но, наверно, что-то понимала, при виде меня на глаза навернулись слезы».

От имения остались только старая деревянная хлебница с надписью на польском языке и небольшая шкатулка, расписанная цветочным узором. Не знаю, почему именно эти вещи София взяла с собой, когда их выгнали из имения. Еще — более чем двухсотлетняя икона Святой Богородицы из Эвермуйжской церкви, считается, что это родовая реликвия. Что теперь с этой иконой, неизвестно.

Рассказ второй. Бог един, едина Разна

Венедикт Михайлов — потомственный рыбак на озере Разна

Первые старообрядцы в Латгалии — в окрестностях Даугавпилса — появились в 1660 году и построили в деревне Лигинишки небольшую молельню. После реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича непокорных староверов назвали раскольниками и жестоко с ними расправлялись, значительная их часть в поисках спасения переселилась в Латгалию, где большие территории были опустошены чумой и войнами русских с поляками и шведами. Люди вымирали, но место пустым не оставалось, здесь стали селиться гонимые у себя на родине староверы.

В 1921 году численность старообрядцев достигала здесь 90 000 человек. Сейчас в Латвии около 80 000 староверов, действует духовная семинария, создано Общество древнерусской культуры.

Деревня Липушки находится на южном берегу озера Разны, где уже с давних пор селились старообрядцы, о чем свидетельствуют древние староверческие кладбища. Липушская староверческая община упоминается в архивных документах еще в 1708 году, в конце XIX века эта община была самой многочисленной в Балтии. Теперешняя деревянная молельня построена в 1904 году. Изначально на ее колокольне было шесть колоколов, отлитых на заводе Самгиных в Москве. Самый тяжелый весил 41 пуд и 17 фунтов. Во время войны несколько колоколов было изъято на переплавку, теперь осталось только три. На протяжении многих лет молельня подвергалась ограблениям, поэтому сейчас вместо настоящих икон в ней — фоторепродукции.

Озеро Разна — часто его называют Латгальским морем — откликается на многие языки. На его берегах с древних времен живут люди разных народностей и вероисповеданий: латгальцы, русские, поляки, белорусы... Легенда гласит: когда у озера еще не было названия, здесь проходили солдаты и спрашивали у местных, как оно называется. Встретили русского, и тот ответил: «А *разно* говорят». Так и назвали — Разна. Староверческие деревни стояли по всей окружности озера.

Предки Венедикта Михайлова в этом месте живут около 300 лет.

«Все староверы-рыбаки здесь жили. Я думаю, мои предки сюда пришли из Беларуси. Я слушаю белорусское радио и вспоминаю — у моего отца было много белорусских слов. А его растила бабушка, моя прабабушка, тут она, в Липушках, и похоронена. Наверно, бабушка отца моего этим словам и научила.

В Витебске и дальше много было староверов, бежавших из России. То была уже вторая волна, когда из Беларуси переселялись в Румынию, Литву, Латвию. Селились преимущественно у воды, это ведь источник жизнеобеспечения. Старообрядцы несли

сюда свою культуру рыболовства. Они сами плели сети, веревки, тросы, все делали своими руками. Как-то надо было выживать».

Когда по тропе заезжаешь во двор Венедикта Михайлова, первыми гостей встречают два черных кота, с глазами светло-зелеными, как крыжовник. Черныши несутся навстречу, путаются под ногами и настойчиво мяукают.

«Бандиты, привыкли у рыбаков рыбу кланчить», — смеется хозяин.

Разна тянется навстречу, как большая мирная ладонь, лед уже растрескался, льдины ползут к берегу, чуть не прямо во двор.

«Это же живой организм. Особенно в новолуние. Луна руководит природой».

Ходячие льдины вывернули ольху с корнями, а ствол и ветви сосны рядом согнули колесом, как изувеченные ревматизмом суставы. Этой сосне, как говорят, больше полутора лет. Когда-то она была красивая, стройная, но ветры Разны ее покорежили.

Сейчас как раз смена Луны. Вчера весь день лил дождь, падал мокрый снег. Сегодня прояснилось, на небе ни облачка. «Этот день — Божий дар! Чудо! Подарок новолуния», — радуется, как дитя, восьмидесятилетний старец. Завтра, говорит, опять обещают дождь.

Вдалеке, на ледяных просторах Разны, чернеют силуэты рыбаков. Венедикт тоже сегодня с утра рыбачил, а сосед Станислав только сейчас возвращается по льду и тащит за собой желтые пластмассовые санки с рыболовной снастью и ящиком улова.

«Ну, Стасинька, показывай, каков сегодня твой улов». — Венедикту не терпится посмотреть. Сам он только что хвастался своим вчерашним уловом — лещ в два с лишним килограмма весом и шестьдесят сантиметров длиной. Через небольшую дырку во льду не мог вытащить, пришлось расширять прорубь самодельной пешней, унаследованной от отца. Станислав своим уловом не очень доволен, мелочь бросает котам, те восторженно дерутся, расхватывая добычу. Венедикт говорит по-русски, его сосед Станислав — по-латгальски. «На мормышку не клюет. Вчера было чуть больше килограмма». — «Каждому рыбаку свое везение, — утешает Венедикт. — Другой раз двое сидят рядышком, у одного клюет, у другого — нет. Зато, когда сидишь на льду, много чего хорошего передумаешь».

Станислав уходит домой, обещая, что завтра опять придет на Разну, а Венедикт продолжает свой рассказ в натопленном доме, построенном его отцом, — в настоящей старообрядческой избе, с хлебной печью, деревянной скамьей со спинкой, похожей на латгальскую канапку (вроде как диван, только без мягкой прокладки), со связками лука, в которых шелестит лето. В этом доме живут Венедикт с супругой Геновевой, латышкой. Сегодня она уехала к внукам в Екабпилс, повезла гостинец — приготовленного Венедиктом громадного леща. Еще у Венедикта есть внук и две правнучки в Петербурге, и... долгий-долгий и пестрый век за плечами.

Еще один день радости

«Я в этом вот доме, за этим вот окном и родился. Нас было три брата и две сестры. Одна сестра еще живет в Резекне, другая умерла маленькой от дифтерита, это было в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Старший брат родился в тридцать пятом, уже умер. Он работал в Цесисе, в милиции, подполковником был. Я был вторым братом.

Я каждый день рыбаку и читаю молитву — Боже, ты мне подарил еще один день радости! Вы не можете себе представить, что это для меня значит — рыбачить!

На Разне бывает по-разному. Иной раз до первого мая рыбаки по льду ходят ловить лещей, а однажды мы со Станиславом второго марта тут искупались. Хозяйка столкнула лодку на воду, подобрала и привезла нас на берег. А бывало, льдина отломится, а рыбаки остались на ней. Бывает, толщина льда — полметра, если не больше, раньше, во времена моего детства, мы, заготавливая лед для погреба, вырубали кубы примерно в семьдесят сантиметров толщиной. Теперь лед не такой, в

этом году — около сорока сантиметров. Лед — как живое существо. Ну скажите, почему он шевелится и продвигается к берегу? Может, это вращение земного шара так влияет? Что же еще?»

У Венедикта Михайлова — истинно рыбацкий двор: ледяной погреб с тростниковой крышей, сарай и черная баня, старик ее называет своим доктором. Долгий век прожит благодаря унаследованной от предков силе, здоровому образу жизни и — положительному отношению к ней. Венедикт худощавый и стройный, как тростинка, старость его не согнула, и лицо гладкое. Еще пару лет назад бегал полумарафон. Теперь уже нет, зрение ослабло.

Этот дом его отец построил сперва поменьше, потом, при Ульманисе, пристройку сделал, там мимо окон проходила старая дорога на Дагду, родители держали что-то вроде чайницы, где путники могли и сами передохнуть и лошадям дать отдых, могли попить чаю, поесть. Мама Венедикта в этой вот самой печи пекла для путников булки.

«Первые четыре класса я окончил здесь, в Каунатской школе. Бегали туда пешими, никаких ни автобусов, ни машин не было. Босиком, чтобы поберечь обувь, обувались только у самой школы. До снега. Видели бы вы, какими были послевоенные дети, как мы были одеты, как обуты! Все перешито, залатано, обувь сношена.

Голода у нас, правда, не было, нас озеро кормило. Почему старообрядцы селились у воды? Знали, что река или озеро всегда накормят».

Рыба в Разне — самая вкусная

«Наше детство было суровое, военное время, но мы выжили, потому что у нас на столе всегда была рыба. "Картошка, рыба — дети сыты!"» Раньше рыбаки удили только крупную рыбу, мелочь не брали, пусть подрастет. Природа сама делает отбор. Теперь озеро опустошают, рыбы становится все меньше.

Раньше я за десять минут спинингом мог поймать две щуки по семь килограммов и одну щуку в одиннадцать килограммов. Двадцать пять килограммов рыбы за десять минут! Я мог бы продолжать рыбачить, но говорил: «Господи, спасибо Тебе и за это, мне довольно, больше не надо». Если бы мы умели остановиться и быть скромными, взять столько, сколько нам надо для еды, и сказать за это спасибо!

Разна всегда красивая. Во все времена года. Бывало, плывешь по озеру, а озеро — как стекло. Будто бы по стеклянной поверхности движешься. Или в первые зимние дни: тихо, вода в озере подо льдом буквально замерла. Идешь по льду и кажется, что ты по воде идешь, совсем как Христос. Это завораживающая картина. А какие ветры бывали! Отец нас, мальчишек, когда брал в лодку, сжимал коленями, чтобы нас вихрем не вырвало из лодки. Вот как!

В Разне водится несколько редких видов лосося, ряпушка, сиг. Ряпушку здешние рыбаки называют еще *селява*.

Обычно я свой улов сам чищу и готовлю. Мама научила меня жарить рыбу, как это делают старообрядцы. Когда не было масла, рыбу валяли в муке, наливали на сковородку воду, как вода закипит, бросают обваленную в муке рыбу. Добавляют соль, лук, сметану. Получается как тушеная. Вкусная!

Рыбу помельче моют, кладут в котел в холодную воду, чистят лук, морковь, картофель, добавляют соль. Минут пятнадцать — и суп готов. Дольше не надо. Да, под конец еще кладут лавровый лист. Много ничего не надо: ни картошки, ни моркови, чтобы не пропал вкус рыбы. Больших окуней или лещей я нарезаю кусочками. У щуки снимается кожа, отделяются кости, жарят только филе. Щуку можно мариновать, в банку кладется сырое филе, добавляется соль, не надо никакой воды, подержать какое-то время — и можно класть на хлеб и есть».

И в пост можно есть рыбу?

«Вообще-то, нет. Но отец был рыбаком, это очень тяжелая работа, особенно

зимой, так что все-таки и в пост рыбу ел. Только по средам и пятницам строго постился. Рыбаки на Разне были сильные, здоровые люди. Все Божьи заповеди почитали, соблюдали пост и работали».

Времени не существует

Венедикт показывает две публикации в местной газете „*Rēzeknes Vēstis*». Написал, надеясь на резонанс, но никто не откликнулся. Не задумался.

«Я думал, вызовет хоть какой-то интерес. То ли не читают люди, то ли безразличны.

Первая статья — о времени. Категория времени. Но времени как такового не существует. Нет его, вы задумывались об этом? Нет времени, есть только бесконечность.

Мы движемся в этой бесконечности. Чтобы как-то упорядочить жизнь, люди придумали часы — сперва совсем простые, солнечные, песочные, теперь — современные.

Да, времени нет, есть одна бесконечность, но в этой бесконечности заключена вечность, в которой мы движемся, плывем. Время — это упорядоченное движение.

Все, что создано в пространстве, движется. Создатель все сложил в определенном порядке — Солнце, звезды, Землю. Все движется в бесконечности. Движение — это энергия, а энергия — это жизнь!

У каждого из нас свои внутренние часы. Но их ход не совпадает с механическими часами. Каждый эти внутренние часы регулирует своим сознанием.

В бесконечности, где нет и не было времени, есть строго определенная последовательность и смена событий, определенное движение планет. Вот так, милые, плывите в бесконечности, где нет и не было времени, но есть Бог, и есть мы, Его творения! Думайте об этом!

У меня еще есть такая теория: в жизни все — система волн, и мы сами тоже — система волн. Каждая наша клетка излучает волны, длина которых семь метров двадцать три сантиметра. Система волн — всюду: у деревьев, у камней, у всего. Почему именно семь метров двадцать три сантиметра? Ну, так решил Господь.

Если у вас начинает болеть голова, значит, в какой-то части тела — дисбаланс, может быть, длина волн там не семь двадцать три, а семь двадцать восемь. Надо восстановить нужную длину волн — подойти, постоять у дерева, у него-то длина волн — какая положено, прикоснуться, успокоиться, пока баланс восстанавливается.

И вода, которую нам советуют выпивать по два литра в день, гармонизирует этот баланс. Вода — стабилизатор, она стабилизирует длину волн нашего тела — чтобы всегда было семь двадцать три.

Наша душа — тоже система волн. Движение кончается — это смерть, и наша душа, наша система волн улетает в Божье царствие, где все святые, где умершие обитают в бесконечности.

Вечность в бесконечности. Слышите переключку? И там — Бог, в своей бесконечности и вечности».

Венедикт умолкает и смотрит на птиц, которые слетелись к кормушке за окном. Посредине — серый, самый крупный птенец. Как его зовут? «Поползень, — говорит Венедикт. — По-латышски — *dzilnītis*». Птицы — как составная часть безвременной бесконечности.

Исследователь космоса

Оказывается, седовласый рыбак по профессии — инженер, долгие годы проработал в научном институте в Петербурге, тогдашнем Ленинграде, он его последовательно называет только Питером. Питер — Peters, так его называли и латгалцы, которые в

конце XIX и в начале XX века уезжали в Петербург на поиски заработка и образования — духовной пищи.

«В Питер я поехал учиться в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, когда закончил резекненскую Вторую среднюю школу. Почему туда, а не в Ригу? Там уже учился мой старший брат, хотелось вместе. К тому же тут, в окрестностях Разны, летом жили многие отдыхающие из Питера, они поощряли: приезжай, поможем, надо будет — поддержим. Да и не так далеко Питер, вечером сядешь на поезд, утром уже там. Раньше поездов было больше.

Сперва я кончил инженерно-технический строительный институт, потом — политехнический, по специальности лазерная техника и голография. Работал конструктором в Институте оптики, это был центральный в СССР институт по этой отрасли, мы разрабатывали оптику для космонавтики, военных целей.

Впервые в мире было нами разработано зеркало шестиметровой высоты для наблюдения космических объектов. Это зеркало надо было обеспечить спектральной аппаратурой. Оно весило тонны, можете себе представить? Наш институт должен был этот «кусочек» стекла снабдить ушами и глазами. Я там проработал пятнадцать лет. А в восемьдесят втором году умер отец, мама осталась одна, пришлось вернуться домой. В восемьдесят третьем я и вернулся. Нелегко было бросить такую ответственную, интересную работу, у меня было полтора человека в подчинении, я был руководителем конструкторского бюро. У меня случился, как бы сказать, душевный перелом. Мне было тогда сорок пять лет. Трудился в Резекне на заводе *Rebir* конструктором, разработал всеми обожаемый *лобзик*. Это была первая электропилка в СССР, по тому времени — очень хорошая. Не хуже западных образцов.

Но за семь лет мне надоело каждый день ездить в Резекне и обратно, и я вернулся сюда, в совхоз. Мама уже начала болеть. Вместе с одним другом мы тут наладили систему мелиорации — все каналы, все колодцы прочистили. Наш совхоз был большой, до самого Лудзенского района.

Три года проработали — и совхоз распался. Это был тысяча девятьсот девяносто восьмой год. Пришлось мне тогда несколько лет до пенсии работать на предприятии *Лейчи* рыбаком. Можно сказать, вернулся к истокам, туда, где отец меня, пятилетнего, впервые посадил на весла. Я знал каждую впадинку на дне озера Разны. Оно не гладкое, очень рельефное. Знал, где рыба охотно собирается. Рыба тоже своей жизнью живет, знает, где поест, где погреться, где схорониться от бури. А на Разне еще какие бывают бури! Такие, что дом трещит, страшно, как бы крышу не снесло. Такие ветры! С природой шутки плохи!»

Душа родилась христианкой

Венедикт по вечерам читает Библию, странички смяты, листаны-перелистаны. Некоторые строчки подчеркнуты.

«Во второй статье я пишу о Библии, об испытаниях Христа в пустыне, четвертый раздел в Евангелии от Луки. Хотите, прочитаю?»

"И Иисус, наполненный Святым Духом, возвратился с Иордана и был водим Духом в пустыне, сорок дней искушаемый дьяволом.

И он ничего не ел в эти дни, а когда они окончились, ощутил голод.

И дьявол сказал Ему: если Ты Сын Божий, скажи этому камню, чтобы он стал хлебом.

А Иисус ответил ему: Написано: не одним хлебом будет жить человек".

И тут самое главное:

"Дьявол возвел Его высоко в гору и показывал Ему все царства обитаемой земли в мгновение времени.

И дьявол сказал Ему: я дам всю эту власть и их славу тебе, потому что мне она отдана, и я кому хочу даю ее.

Если Ты поклонись передо мной, вся она будет твоя".

А Иисус сказал ему в ответ: "Написано: Господу, твоему Богу, поклоняйся и Ему одному служи".

Вот причина всех наших бед и несчастий! Кто живет без Бога и преклоняется перед богатством, тот принадлежит дьяволу! Все богатства на Земле принадлежат дьяволу, ибо Бог живет в царствии своем, мы только ждем Его второго пришествия. Но здесь, на Земле, правит сатана. Кто не молится, кто без Бога живет, кто не ходит в церковь — тот на крючке у дьявола. В этих четырех-пяти строчках вся основа нашей жизни. Когда я это прочитал, понял, что все наши правящие на крючке у дьявола, ему служат. Войны, оружие — это все дьявольские дела.

А вот наша молитва Отче наш. Я ее немного переделал. "Отче наш, иже еси на небесех" я переделал в "Отче наш, иже еси во царствии своем".

На небесех — это красиво, но слишком неопределенно. А когда — во царствии своем...

Наша душа — тоже система волн. Движение кончается, но душа наша, наша система волн улетает в Божье царствие, где все святые, где все умершие — в бесконечности.

Мы часто говорим: ну, где эти души живут? А они у Бога, в Его царствии».

А злые души?

«Ну, злые Бог отделит. Не зря говорится, что есть рай и есть ад. Там будет строго. Если ты тут, на Земле, дружил с дьяволом, то у Бога твоей душе не будет места».

Спрашиваю Венедикта, кто его научил всему этому. Ведь и школьные годы, и большая часть века прошли в атеистические советские времена.

«У нас, в Липушках, есть старообрядческая молельня. С трех-четырёх лет родители нас туда водили, всех детей. Все туда ходили и молились. Так была заложена основа. Душа уже стала христианкой. В Питере я тоже, проходя мимо храма, всегда тайно молился: Господи, пошли мне удачу в сегодняшних делах!

Мама каждый день молилась. К ней со всех сторон приезжали: Ерофеевна, дай водицы святой! Мама почерпнет воды из колодца, прочитает над ней Отче наш и еще какие-нибудь молитвы, люди берут эту воду, пьют и потом приезжают к маме с благодарностью. Я, честно говоря, тогда был скептиком: «Мам, — говорю, — чем ты тут вообще занимаешься?!» Но потом прочитал, что вода способна записывать информацию. И тогда я подумал: о Господи, какой же я был дурак! Мама молитвами структурировала эту воду, вода обретала иную структуру. Это и ученые уже доказали. Вода — очень интересный продукт в природе. Водой можно излечиться, и от воды можно заболеть.

Здесь живут рядом католики, православные, староверы. Те, кто истинно веруют, они между собой воевать не будут. Иногда я захожу в католическую церковь в Каунате. Тем, кто молится, делить нечего. Вот сосед мой, Станислав. Мы дружим с ним, как братья. Он мне помогает, я ему. Что нам делить?»

Любовь и прощение

«Я много об этом думал. Когда сидишь у проруби, многое успеваешь передумать. Я много думал о любви. На земле нет любви как таковой. Любовь, она — у Бога, у Иисуса Христа. У людей только страсти. Единственное исключение — любовь матери к своему ребенку.

Остальное — только страсти. Люди живут страстями. К деньгам, к тому, чтобы нравиться, к тому, чтобы обладать, к тому, чтобы убить. Чтобы самого Бога убить. Еще вчера кричали — осанна, а сегодня — распни! Так толпу можно завести куда угодно.

А об отношениях... Бог затем создал женщину, чтобы мужчина был добрый, внимательный, приветливый».

Венедикт с выражением читает наизусть стихотворение резекненского поэта Екатерины Калване, в нем сказано все, за что она благодарит Бога, — «за глаз влюбленных сияние...»

«И вот если есть такие влюбленные глаза, так это счастье. Семейное счастье. Но это бывает очень редко.

Сегодня почти никто уже не говорит другому — прости! Раньше это говорили чаще.

Перед Великим постом — Прощёное воскресенье, когда в молельне молятся, чтобы люди друг другу простили обиды. Приди, обними, поклонись, скажи: "Прости мне все обиды, чтобы душа очистилась, чтобы к Великому посту прийти чистым!" У соседа, у друга, даже у врага — попроси прощения.

А мы этот закон очень редко соблюдаем.

Люди должны уважать друг друга — я человек, ты человек, мы Божьи творения».

Сила старообрядцев

Венедикт каждое воскресенье отправляется на автобусе в староверческую молельню в Резекне. Липушки ближе, но не такое удобное сообщение.

Есть ли сейчас противоречия между православными и староверами?

«Интересный вопрос. Есть святой Сергей Радонежский. Очень почитаемый православными. А ведь он был старовер, жил еще до Никона. Получается, что православные молятся святому староверу!

Я об этом много думал. Русский народ был бы сильнее, если бы не случилось раскола. Это был такой удар, такая травма, гражданская война.

Но это все Европа сделала, чтобы расколоть русских верующих, ослабить. Народ слабее, когда расколот. А староверы — мудрый, работающий народ, они с древних времен доверяли друг другу, без всякой бумаги, без договора, если дал слово — исполняй. Слово было — закон.

В России были очень богатые и влиятельные купцы — старообрядцы, они скрывали свою веру, объединялись в такую как бы «староверческую мафию», которая на многое влияла в политике России до самой революции. Они строили храмы, жертвовали бедным. Тот же Савва Морозов, который был меценатом творческим людям.

Несколько лет назад резекненская молельня отмечала юбилей, собрались староверы из разных мест, человек сто, как они запели во время богослужения — это была такая сила, мурашки по коже. Молельня дрожала. Ядро у староверов в Латгалии крепкое.

Староверы всегда праздники отмечали вместе. У нас дома отец служил двадцать второго мая панихиду за упокой святого Николая. Он очень готовился к этому празднику, пиво варил, угощение, вся община собиралась.

Дружили и с католиками».

Поганой кружки не было?

«Ну, — Венедикт смеется, — у нас, по крайней мере — нет. Отец был у рыбаков бригадиром, после войны люди жили бедно, еды не хватало, они приходили, помогали тянуть невод, отец им ковшом за это насыпал рыбу. Многие приходили. Ладили между собой. Нечего нам делить, Бог один, едина Разна».